Master Negative Storage Number

OCI00052.11

IUr'ev, A.

Novaia poviest' o prikliucheniiakh

Moskva

1912

Reel: 52 Title: 11

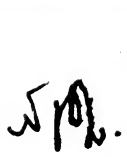
BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OCI00052.11

Control Number: BGN-1477
OCLC Number : 25002945
Call Number : W 381.5917N IU61n
Author : IUr'ev, A.
Title : Novaia poviest' o prikliucheniiakh angliiskago milorda Georga i brandenburgskoi markgrafini Frederiki-Luizy : v trekh chastiakh / A. IUr'eva.
Imprint : Moskva : Izdanie "Posrednika", 1912.
Format : 64 p. ; 18 cm.
Note : "No. 105."
Note : Color illustration on cover.
Note : Novel.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10-31-94
Camera Operator: CG



НОВАЯ ПОВѢСТЬ ОБЪ

АНГЛІЙСКОМЪ МИЛОРДѢ.

INTENTIONAL SECOND EXPOSURE

НОВАЯ ПОВѢСТЬ ОБЪ

АНГЛІЙСКОМЪ МИЛОРДѢ.

А. Юрьева.

НОВАЯ ПОВѢСТЬ

О ПРИКЛЮЧЕНІЯХЪ

АНГЛІЙСКАГО МИЛОРДА ГЕОРГА

И БРАНДЕНБУРГСКОЙ МАРКГРАФИНИ ФРЕДЕРИКИ-ЛУИЗЫ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Изданіе „ПОСРЕДНИКА“.

№ 105.

МОСКВА.

Тип. Т-го Дома „М. В. Балдинъ и К°“. Арбатъ, домъ № 7.

1912 г.

W 381.5917NIU61n

НОВАЯ ПОВѢСТЬ

О ПРИКЛЮЧЕНІЯХЪ

АНГЛІЙСКАГО МИЛОРДА

ГЕОРГА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Дѣло было очень давно. Жилъ-былъ въ Англіи славный богатырь Георгъ Смѣлый, по-нашему князь, а по-ихнему—лордъ.

Жилъ Георгъ въ теремѣ высокомъ. А построенъ былъ тотъ теремъ съ башнями и пристройками не по-нашему и все тамъ слажено было не по-русскому. Выведенъ былъ теремъ изъ камня дикаго, кругомъ обнесенъ весь стѣною толстою. Окошечки въ теремѣ и въ башняхъ рѣдкія и узкія, такъ что свѣта Божьяго туда не много попадаетъ. Горенки понадѣланы все маленькія, только одна большая—зала называется: въ ней пиры даютъ витязи, гостей принимаютъ. Потолки вездѣ каменные, все сводчатые и невысокіе. Въ горницахъ столы стоятъ дубовые и стулья съ высокими спинками, сидѣнье и спинки — кожей обиты. А стѣна, что вокругъ терема, — зубчатая; за тѣми зубцами во время войны люди прячутся, въ отверстія между зубцовъ стрѣлы изъ луковъ пускаютъ, или камнями кидаютъ, или смолой горячей обливаютъ сверху тѣхъ, кто лѣзть на эту стѣну вздумаетъ. Кругомъ всей стѣны еще ровъ глубокій вырытъ и нѣтъ черезъ этотъ ровъ переѣзда, кромѣ мостика подъемнаго; этотъ мостикъ отъ

воротъ каменныхъ на цѣпяхъ спускается, черезъ ровъ перекидывается. Если гости какіе подъѣдутъ, то въ рогъ затрубятъ, а сторожевые спросятъ ихъ, кто и откуда, и если хозяева прикажутъ этихъ гостей просить, сейчасъ слуги хозяйскіе опустятъ мостикъ подъемный, гости въѣдутъ по немъ въ ворота каменныя и во дворъ, а мостикъ за ними сейчасъ же и поднимутъ опять, чтобы не пробрались въ теремъ какіе-нибудь люди недобрые.

Назывался такой теремъ—зàмкомъ. А храбрые витязи, владѣтели такихъ зàмковъ и окружныхъ земель, назывались рыцарями. Рыцари должны были помогать въ войнахъ королю или императору, тому, кто въ ихъ землѣ за старшаго, и водить на войну за собою крестьянъ, своихъ данниковъ и работниковъ.

Но это все было и велось такъ очень давно.

Теперь въ такихъ зàмкахъ, за стѣнами зубчатыми, за рвами глубокими, за мостами подъемными, ужъ никто не живетъ. Да и зàмки эти разрушились и быльемъ поросли.

Рыцарю Георгу Смѣлому точно такой зàмокъ съ землями и крестьянами отъ его батюшки достался и былъ этотъ зàмокъ еще его прадѣдомъ выстроенъ.

Жилъ Георгъ въ этомъ зàмкѣ со своею матушкою, богатырскою вдовой Катериною, со слугами своими вѣрными, любимыми. Жили они въ довольствѣ и богатствѣ. Золотой казнѣ своей и счета не знали, а отъ шелковыхъ и парчевыхъ тканей—сундуки ломились. Блюдъ и ковшей золотыхъ и

серебряныхъ, оружія драгоцѣннаго и коней богатырскихъ—всего у нихъ было много.

Любилъ Георгъ молодой съ врагами земли Англійской повоевать; любилъ за море съѣздить, съ французскими витязями силой помѣриться; любилъ и у себя въ Англіи на королевскихъ игрищахъ, въ примѣрныхъ бояхъ съ другими англійскими рыцарями въ силѣ и ловкости состязаться. А больше всего любилъ онъ псовую охоту на волковъ и зайцевъ.

Вотъ разъ на охотѣ заѣхалъ онъ въ самые дальніе луга свои и перелѣски и не замѣтилъ, какъ отстали отъ него его слуги добрые, товарищи вѣрные, и не замѣтилъ, какъ собрались надъ тѣмъ мѣстомъ тучи грозовыя. Охота въ тотъ день была неудачная, и онъ обрадовался, когда увидѣлъ, наконецъ, зайца. Только, видитъ онъ, гонятъ зайца собаки его, а сами всѣ въ крови, шерсть клочьями виситъ, и слѣдъ кровавый за собой оставляютъ. Не успѣлъ онъ отъ удивленья опомниться, какъ собаки и заяцъ скрылись изъ вида, только слѣдъ кровавый за ними остался. И думаетъ Георгъ: что за звѣрь такой въ этомъ лѣсу проявился, что всѣхъ собакъ моихъ такъ изрѣзалъ?

Повернулъ Георгъ своего коня въ ту сторону, откуда слѣдъ кровавый шелъ, и заѣхалъ по слѣду въ такую чащу лѣсную, что дальше и не проѣхать. Тутъ онъ слѣзъ съ коня и затрубилъ въ свой рогъ, созывая собакъ и товарищей. А въ ту пору гроза разразилась, такъ что за раскатами грома, за трескомъ деревьевъ и шумомъ ливня

не слышно было его рога. Хотѣлъ онъ итти по кровавому слѣду, а коня въ поводу вести, но потоки дождя ужъ смыли тотъ слѣдъ. И случилось тутъ съ Георгомъ, чего никогда не бывало съ нимъ: онъ почувствовалъ такую усталость, такую тяжесть въ рукахъ и ногахъ и такъ его ко сну потянуло, что онъ выпустилъ поводья коня своего любимаго и ноги его подкосились. Гдѣ стоялъ Георгъ, тамъ и повалился и заснулъ богатырскимъ сномъ.

Долго ли, коротко ли спалъ онъ, только, очнувшись, видитъ—сквозь чащу лѣсную пробиваются косые лучи ранняго солнца, золотятъ стволы деревъ, на росинкахъ играютъ. Вспомнилъ Георгъ, что съ нимъ было вчера, вскочилъ, смотритъ: нѣтъ коня и собакъ не слышно; а просвѣты на утреннее солнце показываютъ, что выходъ изъ лѣса близко. Пошелъ онъ на тѣ просвѣты и такую слышитъ въ себѣ бодрость и силу, такое веселье, какъ бывало только передъ самыми трудными и опасными подвигами. Захотѣлъ онъ въ свой рогъ затрубить, не нашелъ рога.

— Что за диво!—думаетъ Георгъ,—и что это за лѣсъ вокругъ меня? Вчера будто я въ боръ сосновый, дремучій попалъ, а сегодня вокругъ меня роща липовая.

И дивится, и смѣется Георгъ, и думается ему, будто все это такъ и быть должно. Отъ веселья сердечнаго громко пѣсню завелъ, а самъ все впередъ подвигается, куда солнышко ему выходъ изъ лѣса показываетъ. И кажется Георгу: нѣтъ того врага сильнаго, нѣтъ того препятствія

труднаго, какого бы не одолѣлъ онъ въ это утро.

Только спѣлъ онъ одну пѣсню веселую и хотѣлъ ужъ заводить другую, слышитъ—стонетъ кто-то невдалекѣ. И такой этотъ стонъ былъ слабый и жалостный, что дрогнуло сердце въ богатырской груди, и сталъ Георгъ, какъ вкопанный, весь потрясенъ и смущенъ невѣдомымъ чувствомъ.

Во многихъ битвахъ съ врагами онъ бился, много душъ загубилъ его булатный мечъ, много слышалъ онъ стоновъ предсмертныхъ, да только эти стоны сраженныхъ въ бою среди лязга мечей и храпа и топота коней, среди всего шума войны—только больше отваги и пыла ему придавали и не знала удержа рука богатырская и, какъ трава подкошенная, валились сильные и храбрые отъ его меча тяжелаго, а сердце витязя весельемъ яростнымъ только пуще распалялося... Что жъ теперь онъ сталъ, какъ пришибленный? Сталъ, чуть дышитъ, не шелохнется...

Чу!.. опять стонетъ, и еще тоньше, еще жалостнѣе. Ужъ не призывъ ли это на помощь!

— Можетъ-быть, душу человѣческую губятъ, а я стою тутъ!—подумалъ Георгъ и побѣжалъ на тотъ стонъ, какъ разъ къ опушкѣ лѣса, откуда солнце косыми лучами свѣтило въ чащу лѣсную.

Выбѣжалъ Георгъ на просторную лѣсную поляну.

Вся въ солнцѣ поляна, только на другомъ краю лежитъ еще длинная тѣнь отъ лѣса и

тамъ — избушка стоитъ. Остановился Георгъ, слышитъ—стонъ идетъ изъ избушки. И хватается онъ привычной рукой, хочетъ мечъ богатырскій свой изъ ноженъ вынуть. А меча какъ не бывало. Ищетъ ножъ охотничій,—ни ножа, ни лука, ни колчана со стрѣлами, ни кафтана на немъ охотничьяго нѣтъ,—одна на немъ рубаха шелка алаго, работы его матушки.

Какъ ни дивно, а раздумывать некогда; жалостный стонъ, будто женскій иль дѣтскій вопль,—щемитъ за сердце и влечетъ его къ себѣ.

Нѣтъ на витязѣ брони желѣзной, нѣтъ оружія, зато сильно жалостью богатырское сердце и покорны сердцу могучія руки и ноги быстрыя. И бѣжитъ, словно летитъ, добрый молодецъ.

Вотъ, въ избушку вбѣжалъ. Грозныя очи врага ищутъ, а въ избушкѣ никого не видать. Только за печкой, въ углу, на соломѣ кто-то лежитъ и стонетъ.

И услышалъ рыцарь слова:

— Душа христіанская! тяжко мнѣ, тошно мнѣ, дай водицы испить.

— Что же тутъ такое? — подумалъ витязь.— Больная баба, только и всего.

А голосъ ему:

— Возьми, желанный, кружку съ полочки... за избой есть ключъ воды студеной...

Взялъ Георгъ кружку съ полочки и видитъ — въ кружкѣ дрянь какая-то: не то остатки пива не то дрожжи, и черви ужъ завелись тамъ, и всю кружку мураши облѣпили. Посмотрѣлъ витязь—нѣтъ ли другой посуды почище? Нѣтъ,

не нашелъ. Дѣлать нечего, взялъ онъ эту кружку и вышелъ. За избой видитъ, точно, ключъ воды студеной изъ-подъ бѣлаго камня бьетъ, ручейкомъ бѣжитъ по полянѣ. Смылъ рыцарь червей и мурашей и всю дрянь изъ кружки, зачерпнулъ студеной воды и принесъ.

— Пей на здоровье, тетя, какъ тебя звать — не знаю.

— Спасибо, желанный, — отвѣчалъ голосъ. И въ темномъ углу надъ соломой поднялась бѣлая тонкая рука и опустилась.—Спасибо, желанный; только нельзя мнѣ ни повернуться, ни головы приподнять: все тѣло у меня больное и силы нѣтъ... Переверни меня.

— Отчего не перевернуть, — отвѣчалъ рыцарь. Поставилъ на лавку кружку, опустился на колѣни передъ соломенной подстилкой и только хотѣлъ приподнять подъ спину больную бабу, задрожали его руки богатырскія: вспомнилъ онъ, какъ это сказала она: „все тѣло у меня больное“, и стало рыцарю страшно. Думаетъ: какъ же я подниму и переверну ее, когда все тѣло у нея больное, а руки мои грубыя? И чудное это дѣло, право: кажется, сейчасъ бы я дубъ съ корнемъ выворотилъ, а передъ больной бабой—руки дрожатъ.

— Переверни же меня. Аль тебѣ не въ силу?— сказала больная.

— И то—не въ силу!—засмѣялся самъ надъ собой Георгъ.

Затаивши дыханіе, напрягшись всѣмъ тѣломъ, чтобы какъ-нибудь не толкнуть, не нажать

больно, сталъ онъ потихоньку закладывать сперва одну руку подъ плечи больной, потомъ другою рукою подсоблять. Такъ онъ приподнялъ ее, перевернулъ бережно и, вздохнувъ всей грудью, сталъ утирать потъ, что у него отъ натуги на лбу выступилъ: не тяжело было изсохшее больное тѣло, а тяжка непривычная забота,—какъ бы полегче къ нему притронуться.

А больная ему:

— Отдышись, сердечный. Заморился!

Засмѣялся только въ отвѣтъ ей Георгъ молодой, и тутъ онъ въ первый разъ въ лицо больной бабы взглянулъ.

Тонко и темно было больное лицо, только изъ впадинъ глубокихъ очи свѣтились привѣтно и жалостно. И дошелъ этотъ свѣтъ въ самое сердце богатырское.

Напилась воды студеной больная. Ей будто полегче стало и разсказала она своему гостю, что зовутъ ее Лизаветою и что родня у нея богатая. А отъ этой родни она сама ушла, оттого, что не хотѣла жить по-ихнему. И вотъ она живетъ тутъ одна-одинешенька; добрые люди, прохожіе и проѣзжіе, заносятъ къ ней—кто хлѣба, кто рубаху, кто что, съ тѣхъ поръ, какъ она захворала и сама работать не можетъ. А тутъ недавно буря случилася, дожди пошли сильные, рѣки разлились, затонулъ бродъ и не стало по этой дорогѣ ни прохода, ни проѣзда, а болѣзнь лютая хуже донимать стала и чуть не померла она отъ голода, жажды и боли, да вотъ добрый человѣкъ попалъ сюда на ея счастье.

И Георгъ разсказалъ ей, какъ онъ дивно попалъ сюда.

А тихій свѣтъ изъ очей больной бабы такъ и льется ему прямо въ душу и щемитъ сердце жалостью и радуетъ его непонятною радостью.

И вспомнилась тутъ Георгу его матушка и что она его съ охоты дожидается. И молвилъ онъ:

— А какъ же теперь мнѣ отсюда будетъ выбраться?

— Какъ тебѣ выбраться? Да очень просто: вотъ, есть у меня коврикъ-самолетикъ, матушки моей подарочекъ. Вотъ онъ тутъ у меня въ изголовьѣ лежитъ. Возьми, раскинь его наземь и сядь на него: мигнуть не успѣешь,—гдѣ задумаешь, тамъ и очутишься. Спасибо же тебѣ, добрый человѣкъ, что напоилъ и перевернулъ меня и бесѣдой пріятною утѣшилъ. Возьми коврикъ. Счастливый путь тебѣ, а я засну.

Только проговорила такъ Лизавета больная—и закрылись ея глаза, а больное лицо ея стало еще темнѣе, еще жалостнѣе. А у молодца на душѣ стало смутно и холодно.

— Спасибо же тебѣ за коврикъ,—тихо молвилъ онъ и пошелъ за порогъ.

Вышелъ онъ на поляну и только хотѣлъ коврикъ-самолетикъ раскинуть, какъ впало ему на мысль:

— А женщина убогая вѣдь одна-одинешенька тутъ останется. Вѣдь ее всю за живо черви и мураши съѣдятъ, да и съ голоду она помретъ. Нельзя такъ человѣка оставить. Надо накормить ее и около нея прибрать и пообчистить.

И обрадовался онъ самъ тому, что такъ надумалъ сдѣлать.

Вернулся въ избу потихоньку, чтобы больную не разбудить. Крадучись, къ ней приблизился, коврикъ-самолетикъ въ ея изголовьи сложилъ и вышелъ опять изъ избы. Сталъ у порога, оглядывается.

И видитъ онъ—къ нему изъ лѣса коза съ козленятами бѣжитъ. Остановилась передъ витяземъ, точно въ избу, въ дверь войти хотѣла, да онъ помѣшалъ; постояла, посмотрѣла и повернула налѣво, и козленята за ней. Видитъ Георгъ—налѣво амбарушка худенькая стоитъ, не то хлѣвокъ. Коза—въ хлѣвокъ и витязь за нею. Думаетъ: подоить развѣ козу, авось молока дастъ?

Тутъ онъ почувствовалъ, что и самъ-то проголодался и тоже радъ бы хоть козьяго молока напиться. И смѣшно вдругъ и весело ему стало, когда подумалось, какъ это онъ, рыцарь именитый и могучій, въ бобылкиной хлѣвушкѣ будетъ козу доить.

Видитъ Георгъ у порога и подойничекъ новенькій, чистенькій, опрокинутъ стоитъ. Взялъ подойникъ, подсѣлъ къ козѣ, огладилъ ее. Коза далась. И надоилъ рыцарь козьяго молока съ полъ-подойника. Только, смотритъ,—куда жъ козленята дѣлись? Слышитъ—блеютъ гдѣ-то. И видитъ Георгъ, что съ хлѣвкомъ рядомъ еще чуланчикъ есть. Заглянулъ туда—козленята тамъ дерутся, топочатъ, а у стѣнки—закромъ полный зерномъ стоитъ. Зерно-то все чистое, крупное. Это, стало-быть, добрые люди для убогой навезли.

думаетъ витязь. Вотъ бы смолоть да хлѣбъ испечь.

Прогналъ Георгъ козленятъ, опустилъ подойникъ наземь и увидѣлъ у другой стѣны два жернова, — меленка ручная. Видно, не забывали добрые люди убогую: кто зерна привезетъ, а кто и муки намелетъ. И думаетъ рыцарь:

— Попробовать, развѣ, помолоть?

А тутъ и мѣшокъ пустой, чистый нашелся. Взялъ онъ мѣшокъ, обвязалъ вокругъ желобка сталъ зерно въ жерновъ насыпать и сталъ молоть.

Вотъ тутъ его сила пригодилась: закружился, завертѣлся жерновъ подъ рукой богатырскою и очень скоро намололъ онъ столько муки, сколько доброй большухѣ и въ день цѣлый не намолоть.

А рубаха шелка алаго вся отъ мучной пыли забѣлѣлася.

Оглядѣлъ онъ себя и разсмѣялся:

— Вотъ тебѣ и лордъ Георгъ, по прозванію Смѣлый!

Взялъ въ одну руку подойникъ съ козьимъ молокомъ, а въ другую мѣшокъ съ мукой и пошелъ къ избѣ.

А самъ все смѣется и думаетъ:

— Вѣдь, пожалуй, не узнали бы меня въ такомъ вооруженіи придворныя красавицы и товарищи мои, храбрые рыцари! Отреклась бы отъ меня и невѣста моя нареченная, Маргарита-прекрасная.

Но отъ этой мысли молодое лицо Георгово краской стыда не заалѣлося, а только еще веселѣе ему сдѣлалось.

— Пусть ихъ! — думаетъ рыцарь.—А я Лизавету накормлю и самъ поѣмъ.

Только перешагнулъ онъ порогъ избушки и взглянулъ въ уголъ, гдѣ больная лежала, видитъ—будто лицо ея свѣтлѣе стало. Очи открылись, и свѣтъ изъ очей такъ и идетъ ему прямо въ сердце. И молвилъ Георгъ:

— Молоко досталъ и мука есть...

— Аль не гораздъ хлѣбы печь? — отвѣчаетъ ему Лизавета.—И то, добрый молодецъ, Георгъ Смѣлый, въ кашеварахъ ты вѣдь не служивалъ!

Стало еще веселѣе Георгу молодому отъ слова ея шутливаго, отъ голоса привѣтнаго.

Опустилъ онъ передъ Лизаветой куль муки и подойникъ и не знаетъ, что начать ему. Одно знаетъ, что бабу накормить надо.

А Лизавета ему:

— Посмотри, желанный, подъ лавочкой, поищи за печкой, найдешь, что нужно. Все отъ добрыхъ людей есть у меня.

Посмотрѣлъ Георгъ подъ лавкой, поискалъ за печкой и нашелъ, что было нужно. Взялъ топоръ, пошелъ въ лѣсъ, нарубилъ бурелома и валежника, захватилъ своими руками богатырскими такое беремя, что доброму коню крестьянскому впору. Подошелъ къ дверямъ и сталъ: въ дверь не пройти.

А Лизавета ему:

— А ты сложи-ка, добрый молодецъ, ношу дровъ у стѣнки наземь, подъ крышею, а возьми по своей рукѣ богатырской хоть пясточку. Намъ и полно будетъ печь растопить.

Сдѣлалъ по ея слову Георгъ богатырь. Потомъ нашелъ на палочкѣ кремешекъ съ огнивомъ. Растопилъ печку и сталъ опять оглядываться.

Видитъ—на лавкѣ квашня стоитъ, онъ и говоритъ на нее:

— А это что же и къ чему?

— А это квашня.

И разсказала ему Лизавета, какъ опару поставить и чѣмъ накрыть. „Только этого хлѣба намъ долго ждать“, говоритъ; и научила его, какъ наскоро лепешки прѣсныя спечь, чтобы голодъ утолить, пока опара не готова.

Все сдѣлалъ витязь по ея слову. И соль нашлась въ избѣ. Вотъ спеклися лепешки. Утеръ Георгъ потъ со лба своего и думаетъ: велико ли дѣло голодную женщину накормить и самому до куска добраться? А вотъ, вспотѣлъ. И то еще добрымъ людямъ спасибо, что навезли и нанесли сюда кое-чего.

Поѣли лепешекъ Георгъ съ Лизаветой и молокомъ козьимъ запили. И показался рыцарю тотъ обѣдъ за такое яство пріятное, какого не ѣдалъ онъ ни за архіерейскимъ столомъ, ни за королевскимъ пиромъ.

Поѣли, Богу помолились. А тѣмъ временемъ солнышко ужъ и за лѣсъ ушло: скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. И думаетъ Георгъ: чѣмъ бы мнѣ ей еще услужить, ея боль лютую облегчить? А Лизавета ему говоритъ:

— Утро вечера мудренѣе. Отдохни, желанный. Да возьми опять коврикъ-то самолетикъ. Захо-

чешь домой вернуться, только сядь—и на своей пуховой постели очутишься.

— Это я ужъ слышалъ отъ тебя, а вотъ ты мнѣ скажи: перенесетъ ли меня этотъ коврикъ на завтра опять сюда? Я бы къ тебѣ и лѣкаря, и слугъ добрыхъ, и кушаньевъ разныхъ съ собой захватилъ.

— Нѣтъ, желанный, этого нельзя никакъ.

— А если бы я тебя на этотъ самый коврикъ переложилъ и съ тобой бы вмѣстѣ въ свой замокъ перелетѣлъ? Матушка моя добрая и опытная, она и лѣчить знаетъ; она часто крестьянъ своихъ, кто захвораетъ, провѣдываетъ. Она живо бы тебя на ноги поставила.

— Нѣтъ, желанный, этого опять нельзя. Худо ли мнѣ, хорошо ли, а къ той жизни, отъ которой я сама ушла, своей волею, я ужъ не вернусь. Возьми же себѣ коврикъ-самолетикъ, добрый молодецъ, и спасибо тебѣ за твои добрыя дѣла и за рѣчи ласковыя. Я засну теперь.

И замолчала и закрыла глаза.

Допрашивать еще и допытывать убогенькую не смѣетъ Георгъ. Стоитъ, не знаетъ, на что ему рѣшиться.

Изъ полуотворенной двери съ вечерняго воздуха пахнуло на него медовымъ духомъ луговыхъ цвѣтовъ и липъ цвѣтущихъ. И вышелъ онъ изъ избы. А коврикъ въ рукахъ у него. И думаетъ самъ про себя: что жъ, Георгъ, по прозванію Смѣлый, какого ты великана-разбойника въ этой избушкѣ нашелъ? Съ какимъ богатыремъ довелось тебѣ силой помѣриться?

Тихо на лѣсной полянѣ. Только, слышно, ручеекъ журчитъ. А на небѣ одна за другою загораются звѣзды.

„Хорошо тутъ“,— подумалъ Георгъ. Уронилъ изъ рукъ коврикъ-самолетикъ и прилегъ на траву, у порога избушки; коврикъ подъ голову заложилъ.

Такъ и заснулъ подъ звѣзднымъ пологомъ.

Проснулся добрый молодецъ вмѣстѣ съ солнышкомъ. Всталъ, у ключа водой студеной умылся, Богу помолился и почуялъ въ себѣ всю свою силушку молодецкую.

И вдругъ вспомнилось ему, что вѣдь на этотъ самый день назначены игрища королевскія военныя—турниръ; и что сегодняшній день на этомъ турнирѣ долженъ былъ онъ, Георгъ Смѣлый, во всемъ вооруженіи и на конѣ своемъ богатырскомъ биться въ поединкѣ съ пріѣзжимъ рыцаремъ. Нарочно для этого поединка пріѣхалъ тотъ рыцарь изъ своей французской земли. И два короля, французскій и англійскій, объ закладъ бьются, каждый за своего рыцаря. И подъ этотъ турниръ отведено уже мѣсто за городомъ обширное, ровное, а кругомъ него лавки разукрашенныя, гдѣ сидѣть будутъ и на бой смотрѣть многіе старые рыцари именитые, вельможи и гости почетные. Съѣдутся также на турниръ смотрѣть первыя красавицы королевства англійскаго,—все рыцарскія дочери молодыя со своими матушками именитыми. А на главномъ мѣстѣ король сядетъ

съ гостемъ своимъ — королемъ французскимъ. И вспомнилъ Георгъ, что король, его крестный батюшка, обѣщалъ свою родную племянницу, Маргариту - прекрасную, за Георга замужъ отдать, когда онъ побѣдитъ рыцаря французскаго, и что матушка Георгова этой свадьбы его съ королевской племянницей очень желала.

Не такъ дорога была Георгу Маргарита - прекрасная, какъ лестно было французскаго рыцаря побѣдить. Загорѣлося сердце богатырское, и схватилъ онъ коврикъ-самолетикъ.

— Что же тутъ думать долго?—молвитъ онъ.— Солнышко еще низко. Мнѣ только сѣсть на коврикъ—мигомъ на своемъ дворѣ явлюсь и успѣю, какъ слѣдуетъ, къ бою снарядиться, и какъ разъ во-время предстану передъ королевскія очи.

Только взмахнулъ онъ коврикомъ, а ему Лизавета больная вспомнилась:

— На кого же я оставлю убогенькую? Какъ тутъ быть? Вѣдь я королю слово далъ, и король за меня объ закладъ бьется съ французскимъ королемъ. Я не буду моему королю вѣрнымъ слугою, если не явлюсь на этотъ турниръ...

И вспомнилъ тутъ Георгъ, какъ возводилъ его король въ санъ рыцарскій и опоясалъ мечомъ его дѣдовскимъ, во многихъ бояхъ прославленнымъ, и читалъ ему тогда король такія слова изъ устава рыцарскаго: „защищать всегда слабыхъ и сирыхъ и обиженныхъ, и всегда служить дѣлу правому"...

И подумавши, сказалъ Георгъ самъ себѣ:

— Да развѣ не правому дѣлу я и здѣсь служу? Нельзя мнѣ оставить Лизавету убогую смерти лю-

той въ добычу. У нихъ тамъ никто вѣдь про Лизавету не знаетъ... А Богъ вѣсть, кабы и знали они, разсудили бы, пожалуй, не по-моему... Развѣ одна моя матушка и пожалѣла бы, а прочіе насъ только просмѣяли бы: рыцарь, молъ, доблестный, Георгъ Смѣлый—мельникомъ сталъ, козу доилъ, лепешки пекъ, мечъ на квашню промѣнялъ... Какъ тутъ быть? Да ужъ будь, что будетъ, а теперь посмотрѣть пойти, что убогая тамъ дѣлаетъ.

И вошелъ въ избу.

Темно, грязно и смрадно въ избушкѣ. На сбитой, грязной соломѣ лежитъ Лизавета. Очи закрыты. Боль и тоска на темномъ, тонкомъ лицѣ ея видны. Знать и во снѣ она боль свою чувствуетъ.

И подумалъ Георгъ:

„Нѣтъ, такъ нельзя ей быть“.

Оглянулся—видитъ: подъ лавкой блеснуло что-то: коса подъ лавкой лежитъ.

„Вотъ, думаетъ, хорошо: накошу я травы, пока спитъ Лизавета. А въ полдень солнце траву живо высушитъ. Будетъ для больной изъ свѣжаго сѣна постель“.

Тутъ Лизавета проснулась. Глянула на него, и свѣтъ изъ очей ея опять свѣтлой радостью проникъ ему въ сердце.

— Здравствуй, живая душа!—молвила она ему.

— Здравствуй,—отвѣчалъ рыцарь и не нашелъ другого слова сказать. Посмотрѣлъ на нее весело и съ легкимъ сердцемъ вышелъ на поляну.

Тутъ опять коза съ козленятами къ нему подошла, ласкается. Вернулся онъ въ избу, взялъ

край лепешки вчерашней, козу попотчевалъ и опять подоилъ ее, а молоко въ избу снесъ, напоилъ Лизавету, отпилъ и самъ, вышелъ опять на поляну, гдѣ коза съ козленятами паслась, и думается ему: экое приволье имъ здѣсь пастись! И добрая же эта коза, что и козленятъ кормитъ и намъ еще молока отпускаетъ. И какъ я до сихъ поръ никогда не подумалъ, какъ это хорошо все устроено и откуда берется все, чѣмъ мы, люди, живемъ!

И сталъ рыцарь косить. Худо ли, хорошо ли, накосилъ много травы и раскинулъ сушиться на солнышкѣ, а самъ пошелъ въ избу печку растоплять, хлѣбы ставить. Посмѣялся съ Лизаветою о томъ, какъ онъ косилъ неумѣючи, какъ у него коса то носомъ въ землю врѣзалася, то пятою землю драла. И весело было Георгу, и не могъ онъ очей отвесть отъ тонкаго больного лица убогенькой. И дивное дѣло: лицо ея все свѣтлѣе, все краше становилося.

— Мнѣ бы на солнышко погрѣться да вольнымъ воздухомъ подышать,—молвила Лизавета.

— Что жъ, я снесу тебя на солнышко.

Ловко и бережно поднялъ ее Георгъ, перенесъ и положилъ на скошенную траву, а подъ голову ей коврикъ-самолетикъ подложилъ. И подивился самъ, какъ это вчера онъ боялся притронуться къ ея больному тѣлу и за какой трудъ ему было перевернуть ее такъ, чтобы больно не сдѣлать, и какъ сегодня онъ смѣло и ловко перенесъ ее.

— Не тяжела ли ноша?—посмѣялась она.

— Да не тяжелѣе меча моего булатнаго,—отвѣтилъ витязь.

Тутъ она замѣтила у себя подъ головой свой коврикъ-самолетикъ и спросила Георга:

— Аль мой коврикъ опять не пригодился тебѣ?

Опустилъ голову рыцарь, не зналъ, какъ отвѣтить. И подумалось ему опять: а что-то дома у меня дѣлается? Что обо мнѣ думаетъ матушка моя родимая? Дожидаютъ ли меня еще мои слуги вѣрные? И какъ меня король поминаетъ? А на турниръ, чай, ужъ рыцари съѣзжаться начинаютъ...

А Лизавета ему:

— Ладно же, пока не пригодился тебѣ мой коврикъ-самолетикъ, возьми хоть это колечко желѣзное.

И сняла она съ мизинца своего маленькое колечко желѣзное и говоритъ:

— Отвернись отъ меня, обратись на закатъ лицомъ и погляди въ это колечко: можетъ-быть, ты увидишь въ немъ то, о чемъ думаешь.

Взялъ отъ нея Георгъ колечко желѣзное, повернулся въ ту сторону, какъ она приказала, и, приложившись глазомъ къ колечку, увидѣлъ отведенное для турнира мѣсто просторное. У одного конца—кресла стоятъ королевскія подъ балдахиномъ сукна алаго съ золотой бахромой. А отъ нихъ идутъ вправо и влѣво крытыя мѣста для прочихъ зрителей, тоже разукрашенныя. И видитъ Георгъ, съѣзжаются въ колымагахъ высокихъ рыцарскія дочери молодыя со своими матушками. Вотъ, вышла выше всѣхъ, величавѣе и краше всѣхъ гордая красавица Маргарита-пре-

красная, королевская племянница. Сверкаютъ на ней камни самоцвѣтные, блещетъ вся она бѣлизной и румянцемъ и платьемъ златотканнымъ. Только красота ея словно каменная, и глядитъ Маргарита, словно какъ не глядитъ, и улыбка на алыхъ устахъ ея не веселитъ и не радуетъ сердца.

Вотъ съѣзжаются и толпятся на другомъ краю храбрые рыцари, красуясь другъ передъ другомъ конями, оружіемъ и молодецкой осанкой. Повела на нихъ Маргарита-прекрасная своимъ гордымъ взоромъ: нашла или нѣтъ между ними своего витязя любимаго,—ничего не замѣтно по лицу ея. Перевела взоръ съ нихъ Маргарита-прекрасная на сосѣдокъ своихъ, на другихъ красавицъ, дочерей рыцарскихъ, разглядываетъ наряды ихъ, и тутъ на лицѣ ея видно стало, о чемъ въ то время она думала, видно, что думала она такъ: „нѣтъ тутъ ни одной красавицы краше, именитѣе и наряднѣе меня!“ И отъ этой думы ея пріятной разливается ярче румянецъ по лицу бѣлому и еще горделивѣе становится улыбка ея.

Вотъ и король со своимъ гостемъ, французскимъ королемъ, подъ балдахиномъ мѣста заняли. Не видя между рыцарями своего витязя любимаго, Георга Смѣлаго, король ужъ и гнѣваться начинаетъ и шлетъ гонца за Георгомъ въ замокъ его.

А храбрые витязи, Георговы сотоварищи, промежъ себя пересмѣиваются: „Никакъ струсилъ нашъ Георгъ французскаго рыцаря?“

И у всѣхъ кругомъ только и рѣчи: „Что Ге-

орга нѣтъ? Отчего опаздываетъ Георгъ Смѣлый?“

А Георгъ все видитъ и слышитъ сквозь колечко желѣзное. Слышитъ тоже, какъ красавицы о немъ перешептываются, видитъ, какъ онѣ ищутъ очами его между рыцарей. Одна Маргарита-прекрасная, невѣста его нареченная, только платье свое пышное оглядываетъ, только красуется.

Время идетъ. Король пуще гнѣвомъ распаляется. Второго гонца посылаетъ въ Георговъ замокъ.

И въ волненіи бросилъ Георгъ оземь колечко желѣзное. Подкатилось колечко прямо подъ руку Лизаветы больной.

Подняла она колечко свое и спрашиваетъ:

— За что на колечко прогнѣвался, добрый молодецъ? Али, можетъ-быть, теперь коврикъ мой понадобится? Возьми же его,—на! Возьми скорѣе!

— Нѣтъ, погоди, постой... дай подумать мнѣ: смутно что-то на душѣ у меня...

— Аль что дурное увидѣлъ въ колечко желѣзное?

— А увидѣлъ я, что король моему слову рыцарскому не вѣритъ: не зная, что со мной, на меня гнѣвается, и пуще моей смерти боится онъ, какъ бы заклады не проиграть.

А Лизавета ему:

— Не спѣши и ты короля судить: тоже и онъ человѣкъ. Не спѣши человѣка порочить. Сказывай, еще чего не увидѣлъ ли?

— А еще увидѣлъ, что витязи удалые, товарищи мои любезные, надо мною насмѣхаются и рады меня трусомъ обозвать...

— Что жъ?—въ томъ ихъ мірская потѣха вся!. А еще что увидѣлъ?

— А еще увидѣлъ, что невѣста моя нареченная не любитъ меня и что сердце у нея холодное и объ одной только красотѣ своей она думаетъ.

Ничего не сказала на это Лизавета убогая, только подумавши, спросила:

— А самъ-то ты развѣ крѣпко любишь невѣсту свою?

— Нѣтъ, не то чтобы я любилъ ее... да я и не самъ выбиралъ ее, а король, мой батюшка крестный, обѣщалъ выдать ее за меня въ награду за службу мою вѣрную. Мнѣ это лестно было, потому что она королевская племянница и первая въ королевствѣ красавица. А если бы французскій рыцарь побѣдилъ, король за него бы выдалъ ее: тотъ французъ ужъ давно ее сватаетъ. Не привелъ Господь мнѣ взять за себя ту дѣвушку, которая полюбилась мнѣ... А до этой Маргариты мнѣ почитай-что и все равно... Только жаль, коли матушка моя опечалится.

— А кто же это полюбился тебѣ? И какъ это не привелъ Господь взять ее?

Опустился тутъ на траву Георгъ молодой, низко голову на грудь склонилъ и тихимъ голосомъ началъ сказывать:

— Годъ тому назадъ безъ малаго, ѣздилъ я за море, въ одно графство нѣмецкое; посланъ былъ туда отъ короля своего и какъ разъ попалъ на графскій турниръ. Захотѣлось мнѣ съ нѣмецкимъ рыцаремъ силой помѣряться и пришлось такъ что вызвалъ меня на поединокъ одинъ доблест-

ный рыцарь. Вотъ, какъ вышибъ я изъ сѣдла того рыцаря, говорятъ мнѣ, чтобы я шелъ награду получать изъ рукъ самой прекрасной дѣвицы. Указали мнѣ на нее, подхожу я, вижу—красавица вся въ слезахъ... всталъ я передъ нею на одно колѣно, а она вынула изъ ушка сережку алмазную и подаетъ мнѣ, а сама склонилася и тихимъ голосомъ такія слова выговариваетъ: „Слушайся, добрый молодецъ, своего сердца добраго, а не слушайся людской молвы“. И запали мнѣ въ сердце эти слова и голосъ тихій и лицо прекрасное, все слезами облитое... Въ ту же ночь я домой поѣхалъ, въ Англію. А пріѣхавши, все разсказалъ своей матушкѣ родимой и сталъ просить ея благословенія, чтобы сватать мнѣ эту красавицу нѣмецкую. Матушка моя созвала всю родню нашу именитую и почетныхъ гостей заморскихъ, пиръ устроила и стала у всѣхъ спрашивать и вывѣдывать, какая это такая красавица въ такомъ-то царствѣ, на такомъ-то турнирѣ была заплаканная? И узнала моя матушка, что дѣвица эта — принцесса (княжна) Луиза Брандѐнбургская, дочка средняя именитаго принца (князя) нѣмецкаго, и что слыветъ она помѣшанной, или порченной. И хотя по богатству ея, именитости и пригожеству многіе славные рыцари ее сватаютъ, но она всѣмъ отказываетъ. А на пиры и турниры ее родители насильно возятъ, и она всегда на нихъ горькими слезами плачетъ. И говоритъ мнѣ послѣ этого моя матушка: „Что жъ, мое дитятко любимое, сынъ мой единственный, какая тебѣ нужда дѣвицу такую сумасшедшую, порченую за себя

замужъ брать? И что тебѣ такъ полюбилося въ ея словахъ и слезахъ глупыхъ, безсмысленныхъ? Хоть и знатнаго она рода, да и мы не хуже. Неужели лучше ея не найдешь себѣ?“ Отвѣтилъ я тогда моей матушкѣ: „Родная моя, запали мнѣ въ сердце тѣ слова непонятныя и голосъ тихій, и лицо прекрасное, все слезами облитое... нѣтъ и не будетъ для меня никого милѣе и пригожѣе Луизы Бранденбургской“. А матушка мнѣ: „Дитятко мое милое, хочешь, пошлю я въ то графство нѣмецкое слугу стараго, надежнаго, что покойному твоему батюшкѣ вѣрой и правдой служилъ, а еще пошлю кормилицу твою добрую, умную, которой я, какъ своимъ очамъ, вѣрю, а съ ними пошлю еще твоихъ вѣрныхъ слугъ молодыхъ, товарищей удалыхъ; и какую вѣсть привезутъ они намъ,—такой у насъ съ тобой и разговоръ будетъ“. Взмолился я тутъ: „Матушка моя родная, отпусти ты и меня со своими слугами вѣрными: переодѣнусь и я слугой и развѣдаю съ ними вмѣстѣ все доподлинно. Легче мнѣ будетъ и не станетъ мое сердце тосковать и сомнѣваться“. Матушка согласилася. Переодѣлся я слугой и пріѣхалъ въ то графство нѣмецкое и узналъ тамъ свою участь горькую.

— Что же узналъ ты, добрый молодецъ?— спрашиваетъ его Лизавета больная, а у самой румянецъ алый по всему лицу разлился, и посвѣтлѣло лицо ея, и силы ей прибавилось: оперлась она ручкой о землю, приподнялась, сидитъ, слушаетъ. А Георгъ этого и не видитъ: какъ опустилъ онъ голову, когда сѣлъ на траву

скошенную, такъ и не поднимаетъ. Русые кудри на глаза ему свѣсились; сидитъ, стебелекъ отъ цвѣтка полевого въ рукахъ скручиваетъ и раскручиваетъ, глядитъ на него, а самъ ничего не видитъ, только разсказъ свой ведетъ.

— Узналъ я, самъ узналъ, доподлинно, что умерла моя красавица черезъ три дня послѣ того турнира графскаго. Мнѣ и могилку показывали, гдѣ она схоронена, и родители ея въ слезахъ водили меня съ матушкой въ ея горенку, гдѣ она выросла, и мѣсто то показывали у окошечка, гдѣ она цѣлыми днями сиживала, Священное Писаніе читала все. Она грамотная и ученая на рѣдкость была, и рукописи тѣ пожелтѣлыя, на кожѣ-пергаментѣ написанныя, по которымъ читала она, мнѣ показывали. И портретикъ ея тамъ на стѣнкѣ виситъ, кисеей черной задернутъ... Попросили мы съ кормилицей,—намъ кисею эту откинули, и увидѣлъ я мою красавицу, какъ живую... И какъ по щечкѣ ея слезинка катилася, такъ и на портретѣ слезинка та выписана.

— А потомъ что было?—спрашиваетъ Лизавета витязя.

— А потомъ, какъ вернулся я, стала меня матушка ласкать и утѣшать, сталъ король меня всѣми своими королевскими забавами забавлять. Только забавы эти ужъ мнѣ не въ радость были и матушкины ласки и подарки не въ утѣшеніе... А время шло. Сталъ король свою племянницу, Маргариту-прекрасную, за меня сватать, а матушка меня уговаривать: „Не вернуть тебѣ,

дитятко, твою красавицу заплаканную; не туби ты свою молодость; потѣшь, порадуй свою мать престарѣлую, не гнѣви короля, своего крестнаго батюшку, оженися, добрый молодецъ!" А мнѣ все равно было, и я матушкѣ не противился. А подъ конецъ и самому лестно стало, что король у меня сватомъ и первую красавицу мнѣ сулитъ.

И замолчалъ, задумался Георгъ молодой.

— О чемъ же ты теперь задумался?—допрашиваетъ его Лизавета.

— А о томъ я думаю, что хоть и не любилъ никогда невѣсту мою нареченную, и о товарищахъ своихъ, храбрыхъ рыцаряхъ, зналъ, что есть между ними злые завистники, чуялъ и то, что король, мой крестный батюшка, не столько меня, витязя, любитъ, сколько славу свою королевскую, а все жъ, лучше бы ты мнѣ всего этого не показывала... увидѣлъ я только то, что постыло мнѣ... и матушки моей я не увидѣлъ!

Отъ этихъ словъ Георговыхъ просвѣтлѣло еще больше лицо Лизаветино. И какъ будто боль лютая ее вовсе оставила. Съ сердечной ея радостью вернулись къ ней и силы, и здоровье, и пригожество.

Но не видитъ витязь лица ея прекраснаго, не поднимаетъ своей головы опущенной, не отводитъ отъ глазъ своихъ русыхъ кудрей.

И говоритъ она ему:

— Не спѣши людей пересуживать... Время все покажетъ... А пока—нà, возьми опять колечко желѣзное, переверни-ка его, стань на закатъ, не увидишь ли матушки своей любимой?

Всталъ Георгъ, на закатъ повернулся, приложился глазомъ къ колечку желѣзному и какъ на ладони увидѣлъ онъ—и замокъ свой каменный, и дворъ широкій, а на дворѣ его слуги вѣрные снаряжаютъ коня богатырскаго, самаго любимаго, во всѣ доспѣхи военные, самые блестящіе и дорогіе, какіе только на королевскій турниръ одѣваются. Изъ оружейной выносятъ все Георгово оружіе богатое, золотомъ и камнями самоцвѣтными разукрашенное; очищаютъ его отъ пыли, опахиваютъ, и на солнцѣ оно все огнемъ горитъ, и развѣваются бѣлыя перья на шлемахъ мѣднокованныхъ. А конь богатырскій ржетъ и въ нетерпѣніи ногой землю роетъ. И спѣшатъ и суетятся придворные слуги, а сами то и дѣло на высокое окошко въ башнѣ поглядываютъ. А въ башенкѣ той у окошка сидитъ его родная матушка, по блѣднымъ щекамъ слезы катятся... и то взглянетъ она на путь-дороженьку, противъ солнца рукою прикрываяся, то на слугъ вѣрныхъ взглянетъ и платочкомъ махнетъ, чтобы торопились они свое дѣло справлять. И понялъ Георгъ, что дожидается его съ дороги матушка и велитъ слугамъ справлять, приготавливать все его вооруженіе, чтобы не было задержки ему передъ королевскія очи предстать, если только вернется онъ. И видитъ Георгъ—поднялась его матушка съ мѣста, и услышалъ онъ голосъ ея властный и явственный: „Слуги мои добрые, слуги мои вѣрные, не видать еще нашего яснаго сокола, сына моего Георга Смѣлаго!.. А мы будемъ ждать его, пока солнышко за эту башню

зайдетъ. А какъ ляжетъ косая тѣнь на мое окошечко, такъ и будемъ знать, что закатилося для насъ навсегда наше солнышко, нашъ молодой хозяинъ... и нѣтъ въ живыхъ Георга Смѣлаго. И созывайте вы тогда поповъ и всѣхъ церковнослужителей, зажигайте свѣчи похоронныя,—будемъ молиться за упокой души его. Не можетъ быть того, чтобы сынъ мой, Георгъ Смѣлый, слово свое рыцарское нарушилъ и не явился бы на поединокъ съ французскимъ рыцаремъ, если только живъ онъ, мой ясный соколъ!"

И полилися слезы ручьями, и закрыла лицо свое бѣлымъ платкомъ Георгова матушка.

Выпало колечко желѣзное изъ руки богатырской. Помутились слезами очи зоркія, и сказалъ Георгъ Лизаветѣ:

— Дай же ты теперь мнѣ коврикъ-самолетикъ, добрая ты душа! Не могу я стерпѣть, какъ плачетъ по мнѣ родимая матушка: никогда еще я слезъ ея не видывалъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ схоронила она убитаго въ бою моего батюшку. А теперь, вотъ, плачетъ по мнѣ, родная моя, совсѣмъ понапрасну, а я слезъ ея осушить не могу... Дай же мнѣ коврикъ теперь...

— Нѣтъ, добрый молодецъ, живая душа, нѣтъ! теперь ужъ я скажу тебѣ: постой, погоди...

И опять Лизавета подняла колечко съ земли и подаетъ ему.

— На-ко еще, посмотри въ колечко, на меня посмотри!

Но тутъ къ Лизаветѣ ужъ вся ея сила вернулася, и встала передъ витяземъ Лизавета здоро-

вая, бѣлая, румяная, очи горятъ, какъ ясныя звѣздочки. И говоритъ ему:

— Нѣтъ, ужъ не нужно теперь въ колечко смотрѣть на меня... Болѣзнь прошла ужъ совсѣмъ! Я нашла своего добраго молодца—душу живую! А ты нашелъ ли свою невѣсту любимую?

И увидѣлъ тутъ Георгъ, какъ расцвѣла предъ нимъ Лизавета убогая, словно алый цвѣтокъ подъ росой утренней. И видитъ онъ, что это она и есть та самая красавица его заплаканная, которую люди за сумасшедшую, порченую считали, а потомъ и умершею объявили.

И отъ дива и счастья великаго не можетъ Георгъ слова вымолвить и не можетъ къ ней приблизиться, только стоитъ, въ очи ея смотритъ и самъ себѣ вѣрить боится.

И слышитъ Георгъ, она говоритъ ему:

— Такъ-то, милый, желанный мой, ты повѣрь своему сердцу доброму, а не вѣрь людской молвѣ! Не сумасшедшая я, не порченая и не убогая, а брала я лютую болѣзнь по своей волѣ, такъ надо было... А теперь, видишь самъ, я здоровая и счастливая, и это ты меня къ жизни вернулъ; а безъ тебя я погибла бы... Дай же руку мнѣ, пойдемъ вмѣстѣ. Я такъ рада, что не слышу больше въ себѣ ни тоски, ни болѣзни, а одно счастье! Возьмемъ же теперь нашъ коврикъ-самолетикъ. Вотъ теперь-то онъ пригодится намъ! Сядемъ скорѣй рядкомъ на него, въ одинъ мигъ у матушки твоей очутимся, и тогда ужъ я повѣдаю обоимъ вамъ все, какъ и что было со мною.

— Только за что же, за что мнѣ счастье такое

великое?—все повторялъ Георгъ, пока она говорила ему.

И такъ-то сѣли они на коврикъ-самолетикъ и вмигъ явилися въ замкѣ Георговомъ, въ горенкѣ его матушки.

НОВАЯ ПОВѢСТЬ

О ПРИКЛЮЧЕНІЯХЪ

АНГЛІЙСКАГО МИЛОРДА

ГЕОРГА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Солнце къ закату близилось, за уголъ башенки зашло и ни одного луча косого не попадало ужъ въ узкое окошечко Георговой матушки.

Передъ окошечкомъ стоятъ пяльцы раскрытыя, на нихъ коверъ недошитый. Еще Георгова бабушка начала вышивать коверъ этотъ и всю жизнь шила, а Георгова матушка къ свадьбѣ любимаго сына спѣшила его оканчивать. Шелки разноцвѣтные, золотыя и серебряныя нитки лежатъ на полъ уронены и не подняты. На кровати высокой, подъ раздвинутымъ шелковымъ пологомъ лежитъ Георгова матушка, слезами горючими обливается. Рыдаетъ она и приговариваетъ:

— Дитятко ты мое любимое, сынокъ мой единственный!.. На кого ты меня оставилъ, свѣтъ мой ясный соколикъ... голубь сизый! Охъ, гдѣ ты и что съ тобой сталося? Нѣтъ! не отвѣтитъ мнѣ сынокъ желанный! Не вернется больше ко мнѣ мой ясный соколъ!

— Матушка! здѣсь я, родная!.. здѣсь, и съ невѣстой своею!—молвилъ Георгъ. — Съ невѣстой своею любимою, Луизой Бранденбургской. За благословеніемъ твоимъ мы пришли къ тебѣ, родная! Коврикъ-самолетикъ перенесъ насъ къ тебѣ, матушка родимая!

Поднялась съ кровати вдова богатырская, и припалъ на грудь родимой матушки ея голубь сизый, Георгъ молодой.

— Что же это? Не во снѣ ли я?—молвила Катерина, вдова богатырская, и руками бѣлыми русые кудри сынка своего разглаживаетъ, а сама отъ слезъ ничего не видитъ.—Или вьявь мнѣ видѣніе видится? Вѣдь нѣту въ живыхъ той Луизы, да и сынка моего я не чаяла живымъ увидать! Ужъ не съ того ли свѣта вы ко мнѣ явилися?

— А и самъ я не знаю, матушка, гдѣ я былъ и изъ какого свѣта явился къ тебѣ съ моею невѣстою: объ этомъ сама она намъ повѣдать обѣщалася. А только я, сынъ твой, живой передъ тобою стою, видишь сама теперь, вотъ, въ рукахъ твоихъ мои кудри русые, тѣ самые, что ты холила и нѣжила, гребешкомъ расчесывала. И рубашка на мнѣ шелка алаго, твоего шитья...

Тутъ приблизилась къ нимъ невѣста Георгова во всей красотѣ своей радостной.

Низко, въ поясъ, Луиза поклонилась пожилой Катеринѣ, богатырской вдовѣ, и тихимъ, покорнымъ голосомъ такое ей слово молвила:

— Здравствуй, государыня-матушка! Будь ты мнѣ вмѣсто родной матери, а я дочкой буду тебѣ доброю и повѣдаю тебѣ всю правду-истину, какъ и что было со мною отъ рожденія моего и какъ случилося, что изъ-за меня довелось тебѣ пролить слезы горькія, напрасныя. Все, какъ есть, я тебѣ повѣдаю, не утаю ничего. А что я—та самая Луиза Бранденбургская, первая невѣста любимаго сына твоего, Георга Смѣлаго, и стою передъ то-

бой живая, а не съ того свѣта,— такъ вотъ и залогъ мой въ томъ: посмотри, государыня-матушка, на эту сережку съ подвѣской алмазною,—не знакома ли она тебѣ? А еще я теперь тебѣ то же слово скажу, что и сыну твоему сказывала: „Не вѣрь, матушка, людской молвѣ, а повѣрь своему сердцу доброму“.

Полюбилася Катеринѣ разумной, богатырской вдовѣ, рѣчь Луизина. А слова ея давнишнія, теперь ею повторенныя, показались ей ужъ не глупыми, безсмысленными, а разумными и правдивыми.

Повеселѣла тутъ Георгова матушка. Крѣпко въ обѣ щеки расцѣловала гостью свою молодую, нежданную, а потомъ стала звать, собирать своихъ вѣрныхъ слугъ.

— Собирайтеся, мои слуги вѣрные! вы готовьте намъ скорѣй незванный пиръ,—хоть не жданный, не званный, да многорадостный! Готовьте обѣды и ужины, чтобъ столы ломились. Собирайте со всей нашей вотчины всѣхъ крестьянъ нашихъ и всѣхъ данниковъ, плательщиковъ, работничковъ,— пусть порадуются всѣ со мною великой моей радости, что вернулся ко мнѣ мой ясный соколъ живъ и невредимъ и съ невѣстой своею любимою. Созывайте поповъ скорѣй не молитвы пѣть заупокойныя, а молебны служить заздравные!

Отдавши всѣ приказанія, на-радостяхъ, вдова богатырская сама ключами загремѣла и вынесла изъ шкапика заповѣднаго завѣтную бутылочку самаго дорогого и стараго вина. Сама столъ накрыла жениху съ невѣстою и сама закуску собрала.

— Пейте, кушайте, гости дорогіе, желанные, пока слуги наши обѣды и ужины готовятъ на всю нашу вотчину. Кушайте, желанные! Чай, не изъ ближняго мѣста васъ сюда принесло на коврикѣ вашемъ самолетикѣ!

Вспомнилъ тутъ Георгъ молодой, какъ онъ еще сегодня утромъ траву косилъ и козу доилъ и какъ вчера муку мололъ и лепешки пекъ. И все, какъ и что было съ нимъ за эти три дня, разсказалъ родимой своей матушкѣ.

И дивилася и смѣялася вдова богатырская, разумная, а пуще всего радовалась, что уродился же у нея такой добрый сынъ, душа живая, что людское горе — ему все равно, какъ свое горе; боль людская, какъ своя боль, и слезы людскія онъ спѣшитъ осушить раньше своихъ слезъ. Дивилась и тому, какъ это она не разглядѣла этого въ сынѣ своемъ раньше-то? За добраго сына, правда, всегда она его почитала, добрымъ и милостивымъ хозяиномъ слугамъ своимъ и крестьянамъ всегда онъ слылъ, а пуще всего слылъ храбрымъ и сильнымъ рыцаремъ, вѣрнымъ королевскимъ сподвижникомъ. Но самое же ядро души его свѣтлой какъ будто теперь только открылось ей. И молвила Георгова матушка невѣстѣ его молодой такое слово:

— Вижу я теперь и вѣдаю: ты все это, красавица, все это ты, разумница, раньше меня, старой, въ добромъ сынѣ моемъ почуяла, — сердце его разглядѣла, испытала и провѣрила... Жилъ бы онъ попрежнему въ нашей сторонѣ, между боевъ и пировъ и потѣхъ воинскихъ, какъ всѣ тутъ у

насъ витязи молодые, товарищи его удалые живутъ,—вѣкъ бы не узнать намъ настоящее всего его добраго сердца! Вѣдь надо жъ тебѣ было въ глушь лѣсную заманить его, убожество и болѣзнь лютую на себя принять... И какъ это ты ухитрилася, и какъ это тебѣ на мысль пришло? И какъ это тебя за сумасшедшую и за порченую почитали, а потомъ какъ умершую оплакали, а ты живешенька и разумница такая, какихъ въ свѣтѣ нѣтъ! Твоя теперь очередь, разсказывай.

И стала молодая невѣста Георгова разсказывать:

— Какой стороны и какого рода-племени и кто таковы мои родители, — это все ужъ извѣстно тебѣ, государыня-матушка, и тебѣ, женихъ мой желанный, Георгъ Смѣлый. А вскормила меня грудью мамушка-крестьянка; изъ самой дальней нашей вотчины она была взята ко мнѣ. И говаривали мнѣ потомъ мои нянюшки и сѣнныя дѣвушки, что когда кормила меня моя мамушка, она будто бы все мнѣ приговаривала: „Расти, мое дитятко, расти, мое милое, тѣломъ въ красу, а душой живою во спасенье...“ и еще она говаривала: „не вѣрь, дитятко, людской молвѣ, а вѣрь своему сердцу доброму“. Только мои родители, не знаю за что, на милую мою мамушку прогнѣвались, а она отъ ихъ гнѣва куда-то въ дальнюю сторонушку скрылася. Но меня не забывала моя кормилица и по-часту ко мнѣ являлася. Въ лѣсъ ли пойду я за грибами и за ягодами, только что разбредутся по лѣсу мои нянюшки и сѣнныя дѣвушки и сестрицы мои родныя, — а она ужъ

тутъ, около меня стоитъ, ржаной лепешечкой меня потчуетъ, ласкаетъ и приговариваетъ: „Расти, мое дитятко, тѣломъ въ красу, душой живою во спасенье, а лепешечку мою ржаную кушай во здравьице,—она грѣхомъ не опорочена, а честнымъ трудомъ взята“. И любила же я мамушкины лепешечки! Слаще ихъ, мнѣ думалось, и нѣтъ ничего. Стала я расти и стали, чего-то, люди про меня говорить, будто я испорчена, будто кормилица моя волшебница была и околдовала меня. Когда, бывало, вижу я, что человѣкъ человѣка бьетъ, а я разнять ихъ не могу, — тогда мнѣ страшно дѣлалось и жалко и я плакала, а люди смотрятъ на нихъ, забавляются, а на меня говорятъ, что я порченая. На турнирахъ тоже мнѣ всегда страшно было и все думалось: зачѣмъ эти витязи собрались тутъ бить другъ друга? А на пирахъ мнѣ тоже было не весело. Нарядитъ, бывало, меня моя матушка и выведетъ насильно на званый пиръ, въ большой залъ разукрашенный. Вижу, рыцари собираются... правда, на пиру они безъ шлемовъ и безъ желѣзныхъ рѣшетокъ на лицѣ, и безъ латъ и мечей и поэтому не такъ ужъ страшны, а бывали изъ нихъ и красивые, и всѣ въ бархатѣ, шелку и кружевахъ... Ѣдятъ и пьютъ много; битвами похваляются. Только и разговору у нихъ, что кто смѣлѣе и спорчѣе людей убивать... Этимъ хвалятся! А пѣвцы придутъ къ пиру, тоже нарядные и красивые, пѣть начнутъ про любовь, только все у нихъ на одно сводится: если рыцарь любитъ свою красавицу,—онъ въ честь ея долженъ много людей убить. Правда,

иные пѣвцы хорошо пѣли, пріятнымъ голосомъ и напѣвомъ хорошимъ, только отъ хорошихъ напѣвовъ еще пуще жалость въ сердце западаетъ. Просто смерть-тоска! А любила я сидѣть у окошечка, глядѣть, какъ люди на нивахъ работаютъ; и все мнѣ думалось: не съ ними ли моя мамушка? и хотѣлось мнѣ къ нимъ. А когда я допросилася у священника, чтобы онъ меня грамотѣ выучилъ и научилась я, то полюбила тоже Священное Писаніе читать. И много я такого вычитывала, что мнѣ мамушка моя сказывала, а и такое вычитывала, чего отъ мамушки не слыхивала. А отчего я замужъ не шла, когда много рыцарей благородныхъ меня сватало? Перво-наперво никто изъ нихъ не полюбился мнѣ... да и полюбить-то я боялася: отъ нянюшекъ и сѣнныхъ дѣвушекъ много я наслышалась, каково рыцарскимъ женамъ въ своихъ замкахъ жить! Другой рыцарь и красивъ и сладко поетъ, а жалости нѣтъ въ немъ. Только и любви, пока сватаетъ, а какъ женился, да у жены дѣти пошли, да еще расхворается она, — ну, тогда только она его и видѣла! Броситъ ее одну и ускачетъ людей убивать да на турнирахъ тѣшиться, да на пирахъ веселиться. А жена въ мрачныхъ горенкахъ — хоронись одна-одинешенька съ нянюшками да мамушками да сѣнными дѣвушками. Не хотѣла я себѣ такой судьбы и сказывала это все моей матушкѣ. А она мнѣ: „на то и рыцарь, говоритъ, чтобы враговъ убивать, на турнирахъ тѣшиться, въ дѣлѣ ратномъ изловчаться, славу себѣ добывать... а ты, дура, говоритъ, порченая, и за то въ

дѣвкахъ останешься... Лучше мы тебя въ монастырь отдадимъ". А мнѣ въ монастырь не хотѣлося: монашенки всѣ такія черныя, скучныя,—ни приласкаться къ нимъ, ни посмѣяться съ ними и не вздумаешь! И стала на меня мамушка гнѣваться; стала не на шутку монастыремъ пристращивать. Только, разъ, сижу я одна въ своей горенкѣ: сестры мои въ сосѣдней горницѣ пѣсни поютъ про рыцарей, а мнѣ такая тоска! Вдругъ, невидимо какъ ко мнѣ прокралася моя кормилица. И ужъ такъ я тогда ей рада была! Всю тоску свою и гнѣвъ родительскій ей повѣдала. „Помоги моему горю, научи, что мнѣ дѣлать?" Ничего не отвѣтила мнѣ моя мамушка, только положила свою руку мнѣ на голову и молвила: „Завтра графскій турниръ,—поѣзжай въ послѣдній разъ, хоть и нехотя, и если ты что особенное увидишь и узнаешь тамъ,—о томъ дома поразмысли своимъ разумомъ. Что придумаешь, что загадаешь, то и сдѣлаешь. На вотъ тебѣ коврикъ-самолетикъ, гдѣ ты захочешь быть, тамъ и будешь,—только раскинь коврикъ и сядь на него. Захочешь,—такъ и ко мнѣ, въ мою дальнюю сторонушку перелетишь,—я тебѣ всегда рада, и худого у насъ не увидишь: у насъ люди дружно живутъ: одинъ другого не бьетъ и не обижаетъ, всѣ работаютъ дружно, чтобы жить и на дѣтокъ своихъ радоваться".

— А нельзя ли, говорю, мнѣ, мамушка, сейчасъ же съ тобою вмѣстѣ въ село твое перелетѣть?—

„Нѣтъ, говоритъ, дитятко, еще рано, еще невѣ-

домо, что ты завтра скажешь". И исчезла изъ глазъ моихъ кормилица.

Вотъ, на другой день, поѣхала я съ батюшкой и съ матушкой на графскій турниръ смотрѣть. И такъ страшно мнѣ было этотъ разъ, какъ никогда еще не бывало.

Слышу, говорятъ вкругъ меня, что пріѣзжій рыцарь земли Англійской будетъ биться на поединкѣ съ однимъ изъ жениховъ моихъ. И указала мнѣ на нихъ моя матушка, когда стали они на мѣсто боя выѣзжать. Подъ обоими кони богатырскіе, на обоихъ оружіе гремитъ и блещетъ, оба статные, ловкіе и могучіе, одинъ, какъ другой; и у обоихъ подъ желѣзнымъ забраломъ лица не видно, а только видно, какъ очи сверкаютъ. Только и было между ними разницы, что у того, кто меня сваталъ, звѣрь какой-то на щитѣ выписанъ, а у англійскаго рыцаря на щитѣ голубь бѣлый серебромъ выложенъ. Вотъ разъѣхались, мчатся другъ на друга... сшиблись... копья сразу сломилися, заблестѣли мечи... Только я и видѣла. Въ очахъ у меня помутилося, жалко, страшно мнѣ... сердце замерло. А когда я очнулася, слышу, крикъ кругомъ веселый, говоръ громкій, и вижу я, лежитъ на землѣ рыцарь, тотъ, что со звѣремъ на щитѣ, а пріѣзжій, вижу, съ коня спѣшился, отдаетъ оруженосцу щитъ свой, съ голубемъ, а самъ торопится, на ходу забрало поднимаетъ, шлемъ скидаетъ, бросаетъ въ сторону, кудри русые по воздуху развѣваются, а изъ лѣваго плеча, изъ-подъ латъ блестящихъ алая кровь ручьемъ бѣжитъ... Наклонился онъ

надъ тѣмъ рыцаремъ, что лежалъ неподвижно, изъ сѣдла вышибленъ, забраломъ лицо закрыто и не видно, живъ или мертвъ. Склонился надъ нимъ рыцарь чужеземный, самъ блѣдный и въ очахъ жалость, и страхъ, и тоска... Спѣшитъ, поднимаетъ его забрало, шлемъ скидаетъ, въ уста и лобъ цѣлуетъ побѣжденнаго и не слышитъ криковъ похвальныхъ, а слуга его ужъ тутъ съ кувшиномъ воды стоитъ. И плещетъ рыцарь водою на блѣдный лобъ и на черные кудри... и обрадовался: „Живъ онъ! Живъ!“ закричалъ и на руки свои могучія поднялъ и вынесъ вонъ изъ мѣста того постылаго. Сколько ни видала я турнировъ, а такой жалости къ врагу побѣжденному, какая въ очахъ этого рыцаря была, я не примѣчала. И говорю я объ этомъ моей матушкѣ. А она смѣется, отвѣчаетъ мнѣ: „Глупая ты дѣвочка, порченая, развѣ не знаешь ты, что всякій рыцарь долженъ быть къ побѣжденному милостивымъ, это ужъ порядокъ такой ведется, все по обычаю!“—Нѣтъ, матушка, говорю, не такой, какъ другіе, не по обычаю онъ сдѣлалъ такъ, а отъ всего сердца своего добраго; а другой то же, да не такъ дѣлаетъ: другой врага побитаго поднимаетъ, а самъ на всѣ стороны озирается, молъ, что обо мнѣ люди говорятъ? Какъ на меня красавицы смотрятъ? Вотъ, тѣ по обычаю дѣлаютъ, а этотъ не такъ, этотъ самъ не радъ и похвалы не тѣшатъ его. А матушка мнѣ: „Ужъ не замужъ ли выходить за него собралася? Ужъ не думаешь ли, что въ угоду тебѣ этотъ рыцарь броситъ свой булатный мечъ, свою славу военную, чтобы

тебѣ „страшно и жалко“ не было? Нѣтъ, успокойся, онъ вѣдь не порченый, а такой же, какъ и всѣ рыцари благородные!“ И задѣли меня эти слова матушкины больно за сердце. А въ ту пору графъ нашъ посылаетъ гонца съ приказомъ милостивымъ, чтобы я этого рыцаря, иноземнаго побѣдителя, лорда Георга Смѣлаго, изъ своихъ рукъ наградила бы, потому, будто бы, что я въ тотъ день краше всѣхъ красавицъ на турнирѣ была. И вижу, подводятъ ко мнѣ Георга Смѣлаго. И чѣмъ ближе подходитъ Георгъ ко мнѣ, тѣмъ сильнѣе мое сердце бьется, и радостно, и плакать хочется... Чѣмъ же, думаю, наградить его? Цвѣтовъ нѣтъ при мнѣ... взяла я, вынула сережку изъ уха и подаю ему, и вздумалось мнѣ въ то время кормилицины слова ему сказать, я и сказала: „не вѣрь, добрый молодецъ, людской молвѣ, а вѣрь своему сердцу доброму“. На другой день узнала я, что мой рыцарь въ ту же ночь домой уѣхалъ. И стало мнѣ такъ тоскливо и пусто, будто осиротѣла я. Кормилица ко мнѣ не является. А батюшка съ матушкой на меня гнѣваются за то, что я порченой прослыла, на турнирахъ плачу и замужъ нейду; и совсѣмъ ужъ сговорилися съ сосѣдней игуменьей меня къ ней въ монастырь отдать. Три дня прошли долгіе и не вижу я конца моей тоскѣ. Монастыря смерть боюсь. Тутъ я взяла да коврикъ-самолетикъ свой и раскинула и задумала, чтобы онъ меня въ мамушкину сторонку перенесъ. И въ одинъ мигъ я у кормилицы въ ея дальней сторонушкѣ очутилася. Полюбилась мнѣ тамъ жизнь

простая, трудовая и люди добрые, мирные. Полюбили и меня тамъ, и никто не говорилъ, что я порченая. Только среди этихъ смирныхъ и добрыхъ людей все же не могла я забыть своихъ жалкихъ и грозныхъ людей и по нимъ тосковать стала... а больше всѣхъ по рыцарѣ моемъ Георгѣ Смѣломъ... И стала я думу думать, и стала работа изъ рукъ валиться...

Тутъ Георгова матушка остановила Луизинъ разсказъ и молвила:

— А какъ же ты, дитятко, родителей своихъ оставила? Что они о томъ подумали и неужели тебѣ ихъ не жалко было?

— Какъ не жалко, государыня-матушка! Мнѣ-то ихъ жалко было, да они-то скоро утѣшились: кормилица въ колечко мнѣ ихъ показывала не одинъ разъ. Видѣла я въ колечко желѣзное, какъ родители мои, не найдя меня въ замкѣ своемъ, промежъ себя такъ порѣшили: что какъ я порченая, то вѣрно я съ какимъ-нибудь пастухомъ или пѣвцомъ сбѣжала... и не стали разглашать этого, боясь людской молвы и насмѣшекъ злыхъ, а объявили меня сначала больною, а потомъ, будто бы, въ оспѣ черной я померла, и схоронили гробъ пустой, заколоченный, весь цвѣтами разукрашенный, будто меня хоронятъ... А въ утѣшенье у нихъ осталось еще много дѣтушекъ, много сестрицъ у меня, всѣ красавицы, и братьевъ много, все сильные и храбрые витязи, и всѣ они, и сестрицы и братцы, родителей моихъ радуютъ... я одна вѣдь была у нихъ порченая... Ну, такъ вотъ, тосковала я и у добрыхъ, смирныхъ людей по мо-

емъ рыцарѣ прекрасномъ, а сама все думу думала... и захотѣлося мнѣ сдѣлать ему испытаніе: каковъ онъ есть? Повѣдала я затѣю свою мамушкѣ; она и говоритъ мнѣ: „Могу я помочь тебѣ въ этомъ, дитятко, только придется тебѣ для этого болѣзнь лютую на себя принять. Если не побоишься ты прохворать долго ли, коротко ли, потерпѣть голода, жажды и одиночества, то придетъ къ тебѣ твой добрый молодецъ, и узнаешь ты, таковъ ли онъ, какимъ полюбился тебѣ". — Согласилась я принять на себя болѣзнь лютую, и перенесла меня мамушка въ избушку на поляну лѣсную, и жила я тамъ не мало времени, дожидаючи, когда случай загонитъ ко мнѣ рыцаря, Георга Смѣлаго. И тутъ, когда подоспѣлъ случай, помогла мнѣ моя мамушка: заманила она молодца съ охоты въ лѣсъ; соннаго перенесла его на коврикѣ-самолетикѣ близко къ моей полянѣ лѣсной... а что дальше было, то вамъ ужъ вѣдомо...

Тутъ обняла вдова богатырская Катерина разумная дочку свою нареченную, расцѣловала ее въ обѣ щеки и назвала умницей-разумницей.

Но радость и веселіе своимъ чередомъ, а и дума-заботушка у добраго молодца не дремлетъ.

Взглянула матушка на сына своего любимаго и диву далась: что это вдругъ такъ сумраченъ сталъ ея соколъ ясный? О чемъ эта крѣпкая дума-заботушка, что глубокую морщину проложила на свѣтломъ челѣ его?

Всталъ Георгъ передъ своею матушкой и молвилъ ей:

— Государыня-матушка, поспѣшила ты на сына

своего порадоваться и похвалу ему не въ мѣру дала: вѣдь въ добромъ сердцѣ своемъ не я воленъ, коли такимъ оно уродилося, и награду себѣ великую не по заслугамъ я получилъ.

Тутъ взглянулъ онъ на невѣсту свою любимую.

— И радоваться счастью не могу я, не смѣю: все же вѣдь измѣнникомъ слову своему выхожу я и невѣрнымъ слугой королю. Какъ ни поздно теперь, а предъ царскія очи я долженъ явиться и за вину свою передъ нимъ отвѣтъ держать. Воинскія игрища теперь ужъ окончены; теперь въ королевскомъ дворцѣ либо пиръ открытъ, либо брань великая съ королемъ французскимъ зачинается... Да, родимая, какъ ни поздно теперь, а передъ королемъ явиться я долженъ и долженъ отвѣтъ держать. Коли смилуется король,—я вернуся къ вамъ и тогда свадьбѣ быть, а не смилуется,—вся его надо мной волюшка!

НОВАЯ ПОВѢСТЬ

О ПРИКЛЮЧЕНІЯХЪ

АНГЛІЙСКАГО МИЛОРДА

ГЕОРГА.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Спѣшно вышелъ Георгъ изъ матушкиной горенки, переодѣлся въ дорогую одежу нарядную изъ тѣхъ, что на великія пиршества одѣваются, но бранныхъ доспѣховъ никакихъ не надѣлъ и вмѣсто свиты своей богатой: оруженосцевъ и пажей молодыхъ,—одному лишь слугѣ своему, старому, любимому, велѣлъ въ путь съ собою отправиться, и тому не велѣлъ брать оружія.

Дивилася его матушка, слыша такія приказанія, дивилися и слуги его вѣрные,—одна не дивилась его невѣста молодая. И когда пришелъ онъ проститься съ матушкой и съ Луизою,—на прекрасномъ лицѣ ея не было видно ни смущенья, ни страха. И думалось ей:

„Не покажу я ему, какъ страшитъ меня судъ королевскій,—чай, и безъ того не легко доброму молодцу"...

Но не стерпѣло тревоги сердце матери: припадая къ плечу сына своего любимаго, потихоньку, на ушко ему она такое слово молвила:

— Дитятко мое любимое, посмотри, вотъ ле-

житъ свернутъ коврикъ тотъ, самолетикъ, что принесъ тебя сюда съ невѣстой твоею... Не иитт бы тебѣ, сыночекъ, королевскому гнѣву навстрѣчу сѣсть бы вамъ опять на этотъ коврикъ, улетѣть бы вамъ въ ту сторону невѣдомую, гдѣ гнѣвъ человѣческій неправедный не достанетъ васъ, гдѣ Луизина кормилица живетъ. А я бы, старая, осталась тутъ, нашими слугами вѣрными править и твое доброе беречь, пока гроза минетъ...

Оглянулась тутъ вдова богатырская на свою невѣстку нареченную, ожидая, не станетъ ли и она просить о томъ же.

Но въ отвѣтъ ей Луиза только тихонько головой покачала: молъ, не можетъ быть того, чтобы нашъ Георгъ Смѣлый отъ королевскаго гнѣва прятаться сталъ.

Радостно стало на душѣ у Георга, какъ взглянулъ онъ въ ея ясныя очи и увидѣлъ въ нихъ, что безъ словъ она его понимаетъ и одобряетъ и горькой разлукѣ покоряется съ надеждой.

Дѣлать нечего,—благословила вдова богатырскаго сына своего любимаго въ путь-дороженьку, хоть не дальнюю, да опасную...

Вотъ проѣхалъ Георгъ по мостику подъемному, поднялся за нимъ мостикъ, закрылися ворота дубовыя его замка стариннаго, дрогнуло тутъ сердце у добраго молодца. Проѣхалъ съ полверсты, оглянулся на гнѣздо свое родимое, въ которое, можетъ-быть, ему и не вернуться ужъ. Ѣхалъ молодецъ, все оглядывался, и долго видѣлся ему огонечекъ въ окошкѣ его родимой матушки.

А сумракъ ночной все чернѣй становился, и дорогу было чуть видно.

Дальше путь витязю лежалъ черезъ старый, дремучій боръ. Еще больше сгустился сумракъ надъ Георгомъ, когда въѣхалъ онъ въ этотъ боръ. Тоскливо заныло сердце, не чуя радости впереди. Тишина кругомъ. Только топотъ двухъ коней богатырскихъ глухо въ лѣсу отдается. Хотѣлъ витязь завести бесѣду со своимъ вѣрнымъ слугою, да слова какъ-то не выговаривались. Жутко было и слугѣ его старому: вѣрное сердце чуяло хозяйское горе-тоску. Разумѣлъ и то старый слуга, что навстрѣчу королевскому гнѣву идетъ его господинъ молодой. И то еще старика тревожило: зачѣмъ это не велѣлъ Георгъ брать съ собою оружія? Дѣло неслыханное: ѣдутъ они теперь точно странники или священники, или трубадуры-пѣвцы.

Но вопросомъ боялся вѣрный слуга заботную думу своего господина нарушить. А мрачная тишь лѣсная однѣ зловѣщія грезы ему навѣвала.

Такъ-то ѣдутъ они молча, невесело; только, слышатъ, вдругъ впереди ихъ будто поетъ кто-то. И что дальше ѣдутъ, то явственнѣй голосъ. Пріостановился рыцарь. Сталъ и слуга. Впереди ихъ слышенъ сталъ топотъ коня. Будто кто шагомъ ѣдетъ и вполголоса тихо поетъ. А голосъ чистый и звучный и напѣвъ такой пріятный, что витязю сразу полегчало на душѣ. Шагомъ тронулся рыцарь за невѣдомымъ пѣвцомъ. И не слышитъ онъ,

какъ катятся слезы по щекамъ его, только слышитъ—тихая радость и миръ льются въ душу ему.

А голосъ все поетъ.

И стало думаться витязю, что все, что было съ нимъ и что будетъ,—все къ лучшему, потому что самъ онъ никому худого не желаетъ...

А слуга Георговъ слушалъ-слушалъ пѣвца—и вдругъ призналъ, что голосъ этотъ знакомый. И, поровнявшись съ Георгомъ, старикъ сказалъ:

— А вѣдь это надо быть нашъ пѣвецъ! Это Леонтій нашъ, слыхалъ, чай? Не нашъ онъ родомъ-то; издалека, откуда-то, будто изъ русской земли вывезъ еще отца его рыцарь покойный Ричардъ; полюбилъ за пѣсни его и поселилъ въ своей вотчинѣ. Тотъ тоже пѣвецъ былъ, только пѣлъ на своемъ, на русскомъ языкѣ. А этотъ здѣсь и родился; этотъ—какъ свой.

Очнулся Георгъ, будто отъ сна.

— Ты говоришь, это Леонтій? Ну, конечно. Другого такого пѣвца нѣтъ въ странѣ нашей. Леонтій-славянинъ, королевскій любимецъ. Только отчего же онъ не на праздникѣ сегодня?

Пѣвецъ умолкъ и сталъ прислушиваться къ голосамъ.

Поровнялись съ нимъ наши всадники, и Георгъ ему молвилъ:

— Не на королевское ли пиршество ѣдешь, пѣвецъ запоздалый? Отчего запоздалъ, и о чемъ твоя пѣсня? Она наполнила дивнымъ покоемъ и счастьемъ смущенную душу человѣка. Спасибо тебѣ!

Оглянулся на витязя пѣвецъ молодой. Онъ былъ невеликъ ростомъ и безоруженъ.

— Да,—отвѣчалъ онъ,—я ѣду на пиръ королевскій. Не чаялъ ѣхать туда сегодня, да привелъ Богъ. Опоздалъ оттого, что былъ боленъ отецъ мой и на моихъ рукахъ помиралъ... Не чаялъ ѣхать сегодня, да королева прислала за мною гонца: говоритъ, будто пѣнье мое можетъ лютую брань двухъ королей утишить. Нашъ король мои пѣсни любитъ. Французскій король, его гость, тоже любитъ слушать пѣвцовъ. Гонецъ королевы сказалъ мнѣ, что рыцарь Георгъ королю измѣнилъ, на турниръ не явился, а объ немъ короли объ закладъ бились: онъ долженъ былъ въ поединкѣ съ французскимъ рыцаремъ биться. Но онъ не пріѣхалъ. Онъ, говорятъ, куда-то безъ вѣсти пропалъ во время охоты, и слѣда его не нашли. Нашъ король неутѣшенъ и вѣрить не хочетъ измѣнѣ Георга; а французскій король попрекнулъ его словомъ обиднымъ, будто бы въ шутку: молъ, струсилъ твой рыцарь хваленый... Слово за слово, гнѣвъ королей распалился. Того и гляди войну объявятъ другъ другу, прольется кровь человѣческая.

Похолодѣлъ отъ ужаса Георгъ молодой, услыша недобрыя вѣсти, и думаетъ:

„Если будетъ война, если кровь многихъ прольется—я въ томъ виновенъ“...

А пѣвецъ дальше ведетъ свой разсказъ.

— Недобрая вѣсть застала въ живыхъ отца моего и отъ предсмертнаго сна пробудила.— „Спѣши, мой сынъ,—онъ сказалъ,—я умираю, но

даръ свой, даръ смягчающихъ душу пѣсенъ,— тебѣ передалъ я въ наслѣдье. Поспѣши отвратить отъ людей великое бѣдствіе". — Только эти слова мнѣ промолвилъ отецъ мой, благословенье мнѣ далъ,—и скончался. А я, по слову его, спѣшно сѣлъ на коня и поѣхалъ... И пустилъ я коня во всю конскую прыть, свое горе и мысли смущенныя быстрой ѣздой заглушить я пытался. Но, подъѣзжая къ дремучему, темному бору, подумалось мнѣ: „а что, какъ въ мысляхъ и чувствахъ моихъ такія же будутъ потемки, когда къ королю я явлюсь? Вѣдь я пѣснью своею долженъ утишить гнѣвъ королей и добрыя, свѣтлыя чувства въ нихъ пробудить, чтобъ скорѣй помирились... Какую же пѣсню спою имъ? Изъ старыхъ ли выбрать? Иль новая сложится пѣсня?" [1]). И тутъ самому захотѣлось мнѣ пѣснью горе свое утолить. И вотъ, ѣхалъ я шагомъ среди темнаго бора и пѣлъ старинную пѣсню,—ту, что мой батюшка часто пѣвалъ... И если пѣсня моя пришлась по душѣ тебѣ, благородный мой спутникъ, и успокоила сердце смущенное,— я счастливъ, я буду ждать, что и другимъ она миръ и покой вольетъ въ душу... Теперь ты разскажи мнѣ,—кто ты? Куда въ эту темную ночь держишь путь свой, и что смущало душу твою?

Георгъ разсказалъ молодому пѣвцу все, что въ эти три дня постигло его. Какъ съ охоты попалъ онъ къ Лизаветѣ убогой и какъ она его милой,

---

[1]) Въ тѣ времена пѣвцы сами слагали свои пѣсни—про любовь рыцарей, про геройскіе подвиги и про все такое, о чемъ имъ случится услышать, что имъ полюбится.

любимой невѣстой оказалась, и все, что отъ нея онъ узналъ, и что ѣдетъ теперь къ королю, за вину свою передъ нимъ отвѣтъ держать.

Все Георгъ разсказалъ. Но ведя свою рѣчь, онъ не видѣлъ, какъ горѣли, что звѣздочки, очи пѣвца молодого, и не чаялъ, что пока слушалъ пѣвецъ его повѣсть,—новая, чудная пѣсня слагалась ужъ въ мысляхъ и чувствахъ пѣвца.

А королевскіе званые гости, послѣ воинскихъ игръ, давно ужъ собрались на пиръ королевскій.

На широкомъ дворѣ передъ замкомъ ярко пылаютъ костры и факелы, и толпятся нарядные слуги. Сотнями масляныхъ свѣтильниковъ свѣтятся королевскія хоромы. Ковры по стѣнамъ, на столахъ шитыя шелкомъ и золотомъ скатерти, золотые и серебряные кубки для вина и блюда съ яствами.

На рыцарскихъ женахъ и дочеряхъ дорогіе наряды и камни самоцвѣтные.

Поглядѣть издали—будто праздникъ, а веселыхъ рѣчей не слышно что-то.

Не снимаютъ оружія именитые рыцари. Не садятся за столы дубовые, разубранные; и дорогія вина и яства заморскія стоятъ нетронуты. Угрюмо бродятъ королевскіе гости, другъ съ другомъ перешептываются. А жены и дочери именитыхъ рыцарей сидятъ вдоль стѣнъ и тревожно на нихъ поглядываютъ: не знаютъ, разъѣзжаться ли по своимъ замкамъ или ждать чего. Ужъ не ждутъ они веселья обычнаго, а хоть бы узнать, чѣмъ окончится ссора королевская?

Уныло толпятся пѣвцы у входа въ хоромы и пѣсенъ своихъ не заводятъ.

На главномъ мѣстѣ молча сидитъ король англійскій, по правую его руку почетный гость его—французскій король, по лѣвую—королева печальная. Лица обоихъ королей мрачны и гнѣвны. Не могутъ они простить другъ другу обидныхъ рѣчей. И добрая королева напрасно пытается привѣтной и ласковой рѣчью утишить ихъ гнѣвъ. Оба упорствуютъ, молча. И грозное слово—объявленье войны—готово ужъ и у того и у другого. Тревожно глядитъ королева то на нихъ, то на тяжелую занавѣсь входа, будто ждетъ кого.

И вотъ просвѣтлѣло надеждой лицо королевы: тотъ, кого она ждала, вошелъ.

Вошелъ пѣвецъ молодой, небольшой ростомъ, лицомъ пріятный, со взоромъ несмѣлымъ и кроткимъ, русые кудри до плечъ.

Королева привѣтно кивнула ему головою. Пѣвецъ подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ сидѣли короли съ королевой, и преклонилъ передъ ними колѣно.

Словно солнышко проглянуло сквозь тучи—просіяло добротой и свѣтлымъ привѣтомъ лицо молодого пѣвца посреди всѣхъ тревожныхъ и грозныхъ, и сумрачныхъ лицъ.

Улыбнулась англійская королева Леонтью, пѣвцу своему любимому, и велѣла ему пѣсню пѣть.

Тихо завелъ свою пѣсню Леонтій, новую пѣсню, какой никогда и никто еще отъ него не слыхалъ.

Онъ пѣлъ о Георгѣ и о прекрасной невѣстѣ его, не называя ихъ по имени, но всѣ догадались,

о комъ эта пѣсня поется. И пронеслося имя Георгово изъ устъ въ уста по всему собранію рыцарскому.

А чудная пѣсня свободно лилась въ каждую душу, въ добрую и кроткую, какъ и въ злую и въ гордую. А было тутъ всякаго народа. Не было только такого человѣка, въ комъ бы, въ отвѣтъ на Леонтьеву пѣсню, не пробудились бы добрыя чувства.

И долго потомъ вспоминалась эта пѣсня всѣмъ, кто только слышалъ ее. А изъ пѣсни запомнился крѣпче всего тотъ припѣвъ, который часто пѣвецъ повторялъ:

„Не вѣрь, богатырь, ты людской молвѣ,
А вѣрь, богатырь, сердцу доброму.
Не страшись людскихъ злыхъ обычаевъ.
За любовь и миръ хоть на казнь иди!“

Кончилъ пѣвецъ.

Всѣ молчатъ. Кто сидитъ, кто стоитъ неподвижно, точно во снѣ заколдованномъ.

Отдалъ низкій поклонъ королямъ съ королевою и всему собранію рыцарскому пѣвецъ молодой и пошелъ къ выходу. А у выхода, у парчевой занавѣски рыцарь Георгъ стоитъ. Онъ и самъ заслушался пѣсни и точно сызнова все испыталъ, о чемъ въ темномъ бору пѣвцу молодому повѣдалъ.

За пѣснью никто не замѣтилъ, какъ вошелъ Георгъ въ залъ королевскій и тогда лишь его увидѣли, какъ пѣвецъ къ нему подошелъ.

Замѣтилъ и король Георга Сѣлаго и далъ ему знакъ, чтобъ приблизился.

Прямо глядя въ королевскія очи, вышелъ Георгъ на середину собранія. Всѣ передъ нимъ разступились. Отдалъ рыцарь низкій поклонъ королямъ съ королевой и всему собранію рыцарей и сталъ ожидать царскаго слова, не опуская ни головы, ни очей своихъ.

И молвилъ король своему рыцарю любимому такое слово:

— Здравствуй, рыцарь благородный, Георгъ Смѣлый! Повѣдай же намъ о своихъ приключеніяхъ. Хоть и говорится, что „сказка—складка, а пѣсня—быль", но желаемъ мы отъ тебя самого твою повѣсть услышать.

И повѣдалъ тогда Георгъ Смѣлый королю своему все, что съ нимъ приключилось.

И окончилъ рѣчь свою рыцарь такими словами:

— Король мой, ты видишь меня безоружнымъ, и такимъ я до смерти останусь. Но я не измѣнилъ тебѣ и уставъ нашъ рыцарскій крѣпко въ сердцѣ держу... А только узналъ я, государь, что возможно и безъ оружія служить всегда дѣлу правому и давать помощь слабымъ, сирымъ и обиженнымъ... Вотъ и разсуди, государь, годенъ или нѣтъ тебѣ такой, какъ я, слуга безоружный,— слуга, что свой мечъ промѣнялъ на велѣніе сердца?

Долго молчалъ король.

Звуки пѣсни пѣвца молодого носились еще въ душѣ короля. Эти звуки сливались съ покорной и смѣлой рѣчью Георга и съ добрымъ влеченьемъ королевскаго сердца. И передъ этимъ свѣт-

лыть влеченьемъ, какъ мракъ предъ зарею, разсѣялось и исчезло все злое и ложное. Надолго ли? Невѣдомо было. Но на тотъ часъ забылъ государь и жестокій законъ, и обычаи предковъ своихъ.

И молвилъ король:

— Иди, благородный рыцарь, Георгъ правдивый и Смѣлый, вернись къ своей благородной матери Катеринѣ разумной и къ достойной тебя невѣстѣ и мирно служи моему народу, какъ велитъ тебѣ твое доброе сердце. Не чаю зла отъ его велѣній.

Не успѣлъ король договорить этихъ словъ, какъ шумно поднялся со своего мѣста почетный гость его, французскій король, и въ громкой рѣчи воздалъ хвалу рѣшенью своего „державнаго друга" (такъ онъ называлъ короля земли англійской). Восхвалилъ французскій король рыцаря Георга Смѣлаго и искусство пѣвца молодого. И сказалъ еще напослѣдокъ, что поздравляетъ и привѣтствуетъ народъ, имѣющій такого справедливаго короля и такихъ добрыхъ слугъ.

А затѣмъ передъ всѣмъ собраніемъ короли дружески обнялись и расцѣловались, обѣщая другъ другу прочный миръ и согласіе.

А потомъ что было—угадать ужъ не мудрено.

Изъ дружбы съ французскимъ королемъ, король англійскій отдалъ свою племянницу, Маргариту - прекрасную, за того именитаго рыцаря французскаго, который сваталъ ее, и отпраздновались разомъ двѣ свадьбы. Только свадьба Георга Смѣлаго съ Луизой Бранденбургской весе-

лѣе была: собрались на званый пиръ свадебный не только всѣ крестьяне и бѣдные рыцари изъ Георговой вотчины, но и со всѣхъ сосѣднихъ земель собрался народъ. Всѣ прославляли Георга Смѣлаго и радовались его радости. Веселому столованью и ликованью, казалось, и конца не будетъ.

И вотъ такъ-то отвеселились молодые наши „князь съ княгинею“ и стали жить со своею матушкой, Катериной разумною, стали жить они не по обычаю притворному, а по правдѣ-истинѣ.

И пришло время, что не только королевству всему, а и самому королю ихъ мирная служба пригодилась.

Но объ этомъ рѣчь ужъ въ другой разъ пойдетъ.

КОНЕЦЪ.

ИЗДАТЕЛЬСТВА:

„Посредникъ“, „Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь“ и „Взаимная помощь“.

Съ 1885 г. по 1912 годъ издано свыше 1500 книгъ (цѣною отъ $^3/_4$ к. до 3 руб.), распадающихся на слѣдующіе отдѣлы:

Отдѣлъ общедоступныхъ изданій „Посредника“.

Очерки, разсказы, повѣсти, романы. Сказки. Сборники стихотвореній. Пѣсенники. Произведенія для народнаго театра. Книжки для дѣтей младшаго возраста. Житія и поученія святыхъ. Религіозные вопросы. Жизнь и ученіе мудрецовъ. Очерки религіозныхъ движеній. Историческіе разсказы и жизнеописанія. Описаніе разныхъ земель и народовъ. Природовѣдѣніе. Гигіена, лѣченіе и уходъ за больными. Половой вопросъ. О пьянствѣ и куреніи.

Общій отдѣлъ изданій „Посредника“.

Очерки, разсказы, повѣсти, романы. Стихотворенія. Драматическія произведенія. Біографіи. Исторія. Философія. Религія. Исторія религіозныхъ движеній. Очерки по искусству. Экономическіе и общественные вопросы. Вегетаріанство. Половой вопросъ. Гигіена, лѣченіе болѣзней. Алкоголизмъ.

„Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь“.

Крестьянская жизнь и ея улучшеніе. Общее улучшеніе крестьянскаго хозяйства. Полеводство, садоводство и огородничество. Скотоводство, птицеводство и скотолѣченіе. Травосѣяніе. Пчеловодство. Производства, промыслы и ремесла. Лѣченіе болѣзней, распространенныхъ въ деревняхъ, и сбереженіе здоровья.

„Взаимная помощь“.

Книги по устройству потребительскихъ обществъ, производительныхъ артелей, кредитныхъ товариществъ, сельско-хозяйственныхъ обществъ, общинъ и вообще разныхъ видовъ коопераций и т. п.

Всѣ книги вышеозначенныхъ издательствъ продаются въ книжномъ магазинѣ „Посредникъ“ (Москва, Петровскія линіи), во всѣхъ значительныхъ книжныхъ магазинахъ и земскихъ книжныхъ складахъ.

Выписывать можно изъ главнаго склада издательствъ по адресу: Москва, Арбатъ, д. Тѣстовыхъ, И. И. ГОРБУНОВУ.

Отсюда же высылается по требованію безплатно подробный каталогъ издательствъ.

INTENTIONAL SECOND EXPOSURE

[illegible]

[illegible] Гергоговой вотчины, но и со всей [illegible] мель собрался народъ. Всѣ [illegible] Смѣлаго и радовались его радости. Веселью [illegible] ованью и ликованью, казалось, и конца не [illegible] детъ.

И вотъ тѣмъ то отсеклись молодые [illegible] князь съ „княгиней“ и стали жить со своей [illegible] тушкой. Катерной разумною стали жить они [illegible] по обычаю притворному, а по правдѣ истинѣ.

И пришло время, что не только королевству всему, а и самому королю ихъ мирная служба пригодилась.

Но объ этомъ рѣчь ужъ въ другой разъ пойдетъ.

КОНЕЦЪ.

ИЗДАТЕЛЬСТВА:

„Посредникъ“, „Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь“ и „Взаимная помощь“.

Съ 1885 г. по 1912 годъ издано свыше 1500 книгъ (цѣною отъ $^3/_4$ к. до 3 руб.), распадающихся на слѣдующіе отдѣлы:

Отдѣлъ общедоступныхъ изданій „Посредника“.

Очерки, разсказы, повѣсти, романы. Сказки. Сборники стихотвореній. Пѣсенники. Произведенія для народнаго театра. Книжки для дѣтей младшаго возраста. Житія и поученія святыхъ. Религіозные вопросы. Жизнь и ученіе мудрецовъ. Очерки религіозныхъ движеній. Историческіе разсказы и жизнеописанія. Описаніе разныхъ земель и народовъ. Природовѣдѣніе. Гигіена, лѣченіе и уходъ за больными. Половой вопросъ. О пьянствѣ и куреніи.

Общій отдѣлъ изданій „Посредника“.

Очерки, разсказы, повѣсти, романы. Стихотворенія. Драматическія произведенія. Біографіи. Исторія. Философія. Религія. Исторія религіозныхъ движеній. Очерки по искусству. Экономическіе и общественные вопросы. Вегетаріанство. Половой вопросъ. Гигіена, лѣченіе болѣзней. Алкоголизмъ.

„Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь“.

Крестьянская жизнь и ея улучшеніе. Общее улучшеніе крестьянскаго хозяйства. Полеводство, садоводство и огородничество. Скотоводство, птицеводство и скотолѣченіе. Травосѣяніе. Пчеловодство. Производства, промыслы и ремесла. Лѣченіе болѣзней, распространенныхъ въ деревняхъ, и сбереженіе здоровья.

„Взаимная помощь“.

Книги по устройству потребительскихъ обществъ, производительныхъ артелей, кредитныхъ товариществъ, сельско-хозяйственныхъ обществъ, общинъ и вообще разныхъ видовъ коопераций и т. п.

Всѣ книги вышеозначенныхъ издательствъ продаются въ книжномъ магазинѣ „Посредникъ“ (Москва, Петровскія линіи), во всѣхъ значительныхъ книжныхъ магазинахъ и земскихъ книжныхъ складахъ.

Выписывать можно изъ главнаго склада издательствъ по адресу: Москва, Арбатъ, д. Тѣстовыхъ, И. И. ГОРБУНОВУ.

Отсюда же высылается по требованію безплатно подробный каталогъ издательствъ.

РАЗСКАЗЫ и ПОВѢСТИ,

изданные „ПОСРЕДНИКОМЪ“.

ѲОМУШКИНЪ, Н. Счастливый день Дудкина. Повѣсть. Ц. 10 к.

ХОТЫМСКІЙ, П. Гришка. Добытчикъ. Разсказъ. Ц. $1^1/_2$ к.

— **Мать.** Разсказъ. Ц. $^3/_4$ к., на лучш. бум. 2 к.

— **Сестра Бѣленькая.** Разсказъ. Ц. $1^1/_2$ к.

ЦУРИКОВА, М. Буренчиха. Повѣсть. Ц. 3 к.

Ч—ВА. Перепелочка. Вадасъ. Разсказъ моего пріятеля о томъ, какъ онъ пересталъ бояться грозы. Разсказъ. Ц. $1^1/_2$ к.

ШЕКСПИРЪ, В. (По Шекспиру.) Отелло, венеціанскій арабъ и прекрасная Дездемона, или безуміе ревности. Повѣсть. Изложили Юрьева и Вэръ Чистякова. Ц. 15 к.

— **Три дочери короля Лира.** Повѣсть. Изложила В. Лукьянская. Ц. 15 к.

ШЕЛЕМЕТЬЕВА, Е. Собака. Разсказъ. Ц. $1^1/_2$ к.

ШИМАНСКІЙ, А. Тоска по родинѣ. Разсказъ. Перев. М. Троповской. Ц. 2 к., лучш. изд. 3 к.

ШМИДТЪ, О. Галя. Разсказъ. Ц. $1^1/_2$ к.

ЭЛЛІОТЪ, Д. Братъ и сестра. (Мельница на Фл[illegible] Романъ. Съ англ. В. Толстая. Ц. 43 к.

— **Дѣтоубійца.** (Адамъ Бидъ). Романъ. Съ англ. Е. Б. Ц. 43 к.

— **Золото и любовь.** (Сайлесъ Марнеръ). Романъ. Съ англ. Е. Б. Ц. 15 к.

Янтарева, Р. Марраны. Повѣсть. Ц. 12 к.

Всѣ эти книги продаются въ книжномъ магазинѣ „Посредникъ“. (Москва, Петровскія линіи), во всѣхъ значительныхъ магазинахъ и земскихъ книжныхъ складахъ.

Выписывать изъ главнаго склада издательства по адресу: Москва, Арбатъ, д. Тѣстовыхъ, И. И. ГОРБУНОВУ.

Отсюда же высылается по требованію безплатно подробный каталогъ издательства.

Цѣна 7 коп.

W381.5917N-Iu61n

W117142